

Е

В заход солнца и посла Игоря к Лаврови конюшого своего река ему: переиди на ону сторону с конем поводным бяше бо совещал со Лавром бежати в Русь. В то ж время Половци напилися бяше комуждо, и бысть при вечери пришел конюшни и поведи князю своему Игореве яко ждет Лавер. (Далее следует молитва Игоря). Сторожем же его играющим и веселящимся, а князя творяща спяща. Той же пришел к реце перебрел и всед на конь.

Т₂

По малом времени, разсудя Игоря за удобно и согласясь с Лавром и своими, учинил пир, на котором приставников потчевал довольно медом и дарил. И как оные довольно пьяни были, на заходе солнца послал конюшого по Лавра. И как оной пришел, сказал ему, чтоб он по заходе солнца за Донцом приготовил коней. Лавер же рад сему быв, тотчас взяв коней с седлами, стал у реки. Конюшей, пришел, сказал Игорю, что кони готовы. Он же, встав с трепетом, бояся, чтоб его не поймали, и призвав других своих служителей, велел перед шатром своим играть и пить. И вышел вон, видя, что приставники все с его служители играли и веселились, думая, что Игорь уже спит. Он же не говоря им ничего, пошел к реке, оную перебрел.

Опять налицо амплификация летописного текста. Татищев не излагает ни одного нового факта, он распространяет подробностями уже известные. Сцена пира — это расширенный вариант эпизода, который летописью передан в одном предложении: «половцы напилися бяхуть кумыза» (цитата по Ипатьевскому списку). Создание и введение подобной сцены сообщало повествованию характер некоторой игривости и развлекательности. Остальные фразы «Истории Российской», которым не находится параллелей в тексте летописей, представляют собой по содержанию психологические мотивировки поведения героев (которые, кстати, не свойственны летописанию ранней поры): Игорь «бояся, чтобы его не поймали...», «Лавер же рад сему быв, тотчас взяв коней с седлами, стал у реки...». Вместе с ними вносился в изложение элемент остроты и напряженности.

Как видим, в последних примерах новых фактов нет, поэтому можно говорить о художественной обработке Татищевым исторического материала. «Историю Российскую» Татищева, может быть, следует рассматривать не только как произведение историческое, но и как сочинение литературное. Ведь именно литературным подходом к историческому материалу и его освещению можно объяснить некоторые свидетельства, индивидуальные для татищевской «Истории».

Итак, повествование, стилистически украшенное, острое, интригующее — цель Татищева. Следуя ей, историк составляет известия, беря иногда в основу не только факты непосредственно Игорева похода. Возможно, некоторые новые сцены он создает на базе древних текстов. В этом плане обращает на себя внимание несколько мест в рассказе «Истории». Так, например, фраза «Не доехав мене полднища, спотчеса и паде Игорь, мало ногу натолче» вызывает ассоциацию с аналогичным эпизодом, описанным в летописях и в «Сказании о Борисе и Глебе»: «И пришел (Глеб) на Волгу. На поле потьчеса под ним конь в роуе и наломи ногу мало».

Такие новые элементы, появившиеся в рассказе «Истории», как известие о тысяцком Рагуле и о церкви св. Михаила, напоминают о летописном рассказе 1147 г. об убийстве Игоря Ольговича, который в «Истории» к тому же назван Игорем Святославичем.

Появление этих сведений, может быть, еще трудно ставить в прямую связь с известными летописными текстами. Относительно же эпизода о защите посемьских городов, появившегося только во II редакции